

П. С. Тептюк

ВАРИАТИВНОСТЬ КАНОНА МАКАМЫ В ПОЗДНЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ («ЗАКОНОВЕДНАЯ МАКАМА АЛ-‘АББĀСА», XVI век)

В период расцвета средневековой арабской культуры (VIII–XII вв.) широкое распространение получила так называемая литература адаба¹, основным принципом которой было, развлекая читателя, его поучать [4, с. 87–100].

Литература адаба по классификации итальянского востоковеда К. А. Наллино (1872–1938) условно подразделяется на три категории.

Первая — это сборники для чтения, предназначенные для образованных людей и включающие прозаические и поэтические фрагменты, относящиеся к различным традициям, а также анекдоты и шутки, которыми можно было бы блеснуть в изысканной беседе. Литературный материал этих сборников несет, в той или иной степени, назидательную окраску, которая подчеркивается обязательной классификацией материала². Вторая — это сочинения на моральные темы или сборники полезных сентенций. Третья категория книг — это учебники для представителей интеллектуальных профессий, адаб профессионального назначения [1, с. 61].

С адабной литературой тесно связан жанр макамы³, который нельзя безоговорочно отнести к какой-либо одной из перечисленных выше категорий, поскольку его внутреннее наполнение менялось на протяжении веков в соответствии с требованиями времени и личными вкусами и широтой взглядов автора. Так, можно найти примеры макама, относящихся как к первой (ал-Ḥarīrī), так и ко второй категории (аз-Замāхшарī), тогда как третья категория к макамам вообще не имеет отношения.

Сегодня насчитывается более двухсот пятидесяти авторов макама [7, р. 368–411], но наиболее известными из них были и остаются классики-основатели жанра — Бадī’ аз-Замāн ал-Хамазānī⁴ и Абū Муḥаммад ал-Ḥarīrī⁵. У большинства исследователей представление о макамном каноне основывается прежде всего на анализе творчества этих двух авторов⁶, поскольку в их макамах наиболее ярко выражены жанровые признаки только зародившейся в то время⁷ макамы. Будучи основанной на риторических приемах, классическая макама успешно сочетает в себе ближневосточную дидактику и ставшую по-

¹ Определение термина «адаб» и его историю см. в работах Ш. Пелла [1], И. М. Фильштинского [2, с. 242–252], а также в статье Ф. Габриэли [3]. *Адīb* — воспитанный человек, обладающий светскими и общекультурными познаниями.

² См., например, разделы о доблести, вежливости, щедрости и т. д. в книге Ибн ‘Абд Раббихи «Чудесное ожерелье» [5].

³ Определение термина «макама» и историю жанра см. в подробной статье К. Брокельмана (Ш. Пелла) «Макама» [6].

⁴ Абū-л-Фадл Аḥмад ибн ал-Ḥусайн Бадī’ аз-Замāн ал-Хамазānī (969–1007) [8, с. 95; 9, с. 152].

⁵ Абū Муḥаммад ал-Ḥасим ибн Алī ибн Муḥаммад ибн ‘Усмāн ал-Баṣrī ал-Ḥarīrī (1054–1122) [8, S. 276; 9, S. 477].

⁶ См., например, работы А. А. Долининой [10, с. 24–62], И. М. Фильштинского [2, с. 275–316], Я. Хямен-Антилы [7, р. 15–173] и др.

⁷ Имеется в виду X в.

© П. С. Тептюк, 2012

пулярной в средневековые тему плутовства⁸. Существует мнение, с которым автор данной статьи полностью согласен, что со временем макамы утратили присущий им изначально плутовской характер [6, с. 109]. То есть в макамах, первоначально основанных на принципах культурно-светского адаба (первая категория), возобладала дидактическая составляющая, вследствие чего большинство *постклассических* макам, сохраняя внешние черты канона, создавались как сочинения на моральные темы (вторая категория), чисто назидательного характера, причем с течением времени эта тенденция, только усиливалась. Авторы макам, писавшие после ал-Хамазāни и ал-Ḥарйри, обучая, забудут о развлечении читателя, отчего жанр станет в высшей степени серьезным и ограниченным по своей тематике. Подобное изменение произошло, вероятно, по нескольким причинам. Во-первых, постклассические авторы не восприняли развлекательный элемент в макамах ал-Хамазāни и ал-Ḥарйри в качестве одной из основополагающих черт жанра, делавшей его столь привлекательным и неординарным для среды образованных современников. Во-вторых, умение сочетать в украшенном риторическими фигурами тексте житейскую дидактику с развлекательностью сюжета требует большого таланта, который, по-видимому, не проявился ни у одного из позднейших авторов в той же степени что и у классиков жанра.

Одним из продолжателей литературной традиции жанра макамы в позднем средневековье является некий ал-‘Аббās, о котором известно только, что он жил, очевидно, в XVI в. [11, с. 112–113].

Сборник макам ал-‘Аббāса содержится в двух схожих между собой до сих пор неизученных рукописях: одна (В 66) из коллекции Ж. Л. Руссо в фонде ИВР РАН [12, ч. 1, с. 18–19, ч. 2, с. 201–202]⁹, а другая (N. F. 66) из коллекции Й. фон Хаммер-Пургштала в Австрийской национальной библиотеке (Вена) [14, S. 615; 15, S. 54]¹⁰.

В предисловии к сочинению ал-‘Аббās называет своим главным предшественником в жанре макамы ал-Ḥарйри. Ал-‘Аббās отдает его макамам «пальму первенства на ристалище красноречия и многословия» (П.: л. 2а, 1–2; В.: л. 16, 13–14. — Здесь и далее П. — петербургская рукопись, В. — венская), признавая их наивысшим образцом для подражания, несмотря на разделяющие авторов пять веков.

Цикл ал-‘Аббāса состоит из двадцати шести макам против традиционных пятидесяти в сборнике ал-Ḥарйри. Как и у ал-Ḥарйри, все макамы ал-‘Аббāса объединены общими героями. Это рассказчик — Абӯ-л-Ḥайр ибн ал-Ḥарис и его красноречивый знакомый — Абӯ-л-Фадл ибн ал-Вāрис.

Степень зависимости ал-‘Аббāса от ал-Ḥарйри и характер его новаторства можно проиллюстрировать, сравнив две макамы, сходные по сюжету.

Сюжет «Законоведной макамы», идущей первой в сборнике ал-‘Аббāса («ал-Мақāма ал-фиқхийя»¹¹), несмотря на вариации и некоторое расхождение в деталях,

⁸ Классическая макама представляет собой новеллу, повествующую о вымышленных приключениях двух красноречивых персонажей — рассказчика и его знакомого — главного героя-*адйба*, поучительная речь которого обычно является кульминационным центром макамы. Согласно устоявшемуся средневековому канону текст макамы должен быть написан *садж’ем*, т. е. ритмической рифмованной прозой, и украшен стихотворными вставками.

⁹ Подробное описание рукописей см. в статье П. С. Тептюка «Рукопись макам ал-‘Аббāса и ее аналог в Австрийской национальной библиотеке» [13, с. 251–258].

¹⁰ Историю идентификации рукописи N. F. 66 см. в статье П. С. Тептюка «Две рукописи макам ал-‘Аббāса (XVI век)» [16, с. 84–88].

¹¹ От слова «*фиқх*» — понимание, знание; мусульманское право. Общий принцип понимания ислама; знание или понимание мусульманского права, не являющееся правом само по себе.

внешне совпадает с сюжетом «Законоведной макамы» ал-Харйрй («ал-Мақāма ал-фардиййа»¹²) (в его сборнике пятнадцатая по счету). Центральное место в сюжете занимает решение героем парадоксального юридического казуса, изложенного в стихотворной форме. Композиционная структура обеих макам также одинакова, особенно это заметно в начале сопоставляемых текстов.

Законоведная макама ал-Харйрй начинается с неожиданного появления в доме ал-Хāриса ибн Хаммāма ночного путника, который просит пищи и крова и на проверку оказывается его старым знакомым — Абӯ Зайдом. Точно такое же начало мы находим в макаме ал-‘Аббāса: в дом рассказчика, Абӯ-л-Хайра, является ночной путник, Абӯ-л-Фадл, который ищет временного пристанища.

В обеих макамах явлению героя предшествует одинаковая по содержанию экспозиция. Рассказчик, мучимый бессонницей и томимый желанием обрести собеседника, описывает ночную непогоду (*ваṣṣ*). Ал-Харйрй приводит краткое и лаконичное описание, не загружая повествование деталями. У ал-‘Аббāса описание развернутое и содержит много метафор и олицетворений, в нем автор демонстрирует свое владение литературным слогом. Можно полагать, что посредством подобного художественного описания ал-‘Аббāс подчеркивает изолированность рассказчика от окружающего мира и объясняет его желание найти собеседника. Кроме того, такой зачин первой макамы сборника, вероятно, отражает внутреннее душевное состояние самого автора на момент написания цикла.

В начале сборника ал-Харйрй его герой и рассказчик незнакомы, но дальше по ходу действия цикла они постоянно встречаются при различных обстоятельствах, так что в пятнадцатой макаме, о которой сейчас идет речь, их вполне уже можно назвать старыми друзьями. У ал-‘Аббāса не сразу понятно, насколько рассказчик знаком с героем. Поскольку макамы объединяются в цикл именно за счет этих двух персонажей, было бы естественно пояснить, в каких они состоят взаимоотношениях при первой же их встрече, чего, однако, ал-‘Аббāсом не было сделано: он просто следует за ал-Харйрй. В момент узнавания рассказчик Абӯ-л-Хайр называет имя своего ночного гостя, не поясняя, откуда он его знает: «В то время как он у меня пребывал я внимательно к нему присмотрелся и положился на [свое] зрение в отношении его поведения, и оказалось, что это Абӯ-л-Фадл ибн ал-Вāрис» (П.: л. 3б, 2–4; В.: л. 3а, 12–14). Лишь ближе к концу повествования становится ясно, что Абӯ-л-Хайр не просто был знаком с Абӯ-л-Фадлем, но ждал его прихода, чтобы задать волновавший его вопрос: «О, Абӯ-л-Фадл, брат справедливости, собиратель целостности и обширный щедростью, я ожидал твоей близости, чтобы молить о дожде твои тучи для [решения] вопроса...» (П.: л. 5а, 3–4; В.: л. 4б, 8–10).

После момента узнавания героя оба автора вводят добавочную сюжетную рамку — рассказ героя о событиях, происходивших с ним ранее. У этой рамки есть своя экспозиция, одинаковая для обеих макам — герой без сна и отдыха скитается ночью по дорогам.

Далее у авторов начинаются расхождения: харириевский Абӯ Зайд сначала попадает на рынок. В лавке торговца его внимание привлекает аппетитная гроздь фини-

¹² От слова *фард* — обязанность, долг; требование, предписание (закона). Этот термин обозначает одну из категорий мусульманского права, предписывающую исполнение определённых правил в мусульманской общине. Предписания категории *фард* носят характер обязанности, предусматривающей в качестве наказания при невыполнении, в отличие от категории *ваджиб* («обязательное»), лишь осуждение со стороны членов общины.

ков и сливки, которые он мастерски описывает (*васф*). Терзаемый голодом, Абӯ Зайд пытается добыть средства для их покупки, но безрезультатно. И лишь под конец дня к нему приходит надежда в образе старика, жалующегося на упадок наук. В ответ на расспросы о причине жалоб старик представляет Абӯ Зайду стихи, содержащие юридический казус, который никто не может решить. Абӯ Зайд предлагает свою помощь старику в обмен на угощение, описав, чего бы ему хотелось отведать (*васф*). Старик предостерегает Абӯ Зайда против обмана и приводит его в свое жилище, вид которого свидетельствует о скупости его хозяина (*васф*). Насытившись угощением старика, Абӯ Зайд с легкостью решает этот юридический казус, облекая свой ответ в стихи. Получив желаемое, старик прогоняет Абӯ Зайда из своего дома, опасаясь, что у того может случиться расстройство желудка от обилия съеденного. Герой вынужден скитаться ночью, до того как набрел на жилище рассказчика — своего знакомого ал-Хāриса ибн Хаммāма. Так ал-Хāрйрй с юмором обыгрывает мотив скупости, насмешка над которой является одной из популярнейших тем в средневековой арабской литературе¹³.

Хотя изначально со слов самого Абӯ Зайда кажется, что он собирается обмануть каким-либо образом старика, встреченного им на рынке, далее видно, что он честно выполнил свое обязательство и продиктовал ответ, о правильности которого можно судить по реакции старика — тот не стал требовать компенсацию за предоставленное Абӯ Зайду угощение. Таким образом, в этой макаме ал-Хāрйрй лишь намекает на тему плутовства, но по сути она отсутствует в сюжете, уступая место демонстрации красноречия героя. В сборнике ал-Хāрйрй макамы подобного типа количественно уступают плутовским [10, с. 35].

В перипетиях жизни Абӯ Зайда прослеживается мотив несправедливости и непостоянства судьбы — главной философской мысли в макамах ал-Хāрйрй. Казалось бы, Абӯ Зайд после голодных скитаний смог честно заработать на пропитание посильным для него трудом, однако немилосердная судьба в лице скупого старика вынуждает его снова отправиться в неведомый путь ночью, после чего он обретает временное пристанище у своего знакомого, но не хочет оставаться в его доме, боясь надоесть.

В «Законоведной макаме» ал-‘Аббāса Абӯ-л-Фадл набредает на собрание, пирующее в горной местности, которое, как и старик у ал-Хāрйрй, жалуется на упадок науки и нравов. В ответ на вопрос Абӯ-л-Фадла о причинах жалоб, ему предлагают непреодолимую для них законоведную загадку, которую он с легкостью решает, представив ответ в стихах. Здесь о правильности ответа также можно судить по реакции слушателей: красноречие и ум Абӯ-л-Фадла вызвали черную зависть у собрания и ему пришлось бежать в лес, спасаясь от расправы. Очевидно, что герой противопоставляет себя завистливой «толпе», усиливая это противопоставление самовосхвалением: «завидуют только опережающему» (П.: л. 46, 17; В.: л. 46, 5). В итоге он находит убежище у рассказчика — Абӯ-л-Хайра.

Так, остроумным решением герои обеих макам доказывают свое превосходство над слушателями. Зависимость ал-‘Аббāса подчеркивается тем, что у обоих авторов загадки облечены в стихотворную форму, и даже в одном и том же размере. Стихотворный размер ответов, представленных Абӯ-л-Фадлем и Абӯ Зайдом, также совпадает (*хāфйф*).

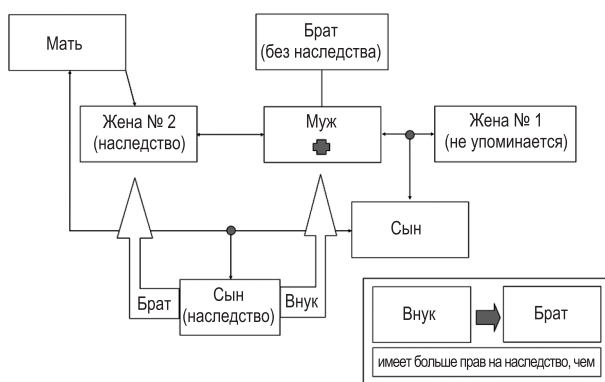
Суть юридических казусов состоит в следующем: ал-Хāрйрй приводит в своей макаме парадокс о наследстве — некто умер, оставив родного брата и жену. У жены тоже

¹³ См., например, «Книгу о скупых» ал-Джахи́за [17].

имеется брат. При разделе имущества жена и ее брат получили свою долю, в то время как родной брат покойного остался ни с чем, но такое решение закону не противоречит.

У ал-‘Аббас представлен казус из области семейного права — спрашивается, каким образом женщина могла иметь двух мужей в течение суток, не нарушив при этом шариата?

Уже по содержанию загадки видно, что ал-‘Аббас проявляет большую изощренность в вопросах мусульманского права, чем ал-Харйрй. Чтобы понять суть ответа ал-Харйрй, вполне достаточно смекалки и бытовых познаний в семейно-родственных отношениях (*‘ādāt*) (см. рис), в то время как в ответе ал-‘Аббаса затрагиваются тонкости мусульманского права, а именно разница в постановлениях мусульманских школ (*мазхабов*). Все вышесказанное, а также серьезный религиозный тон «Законоведной макамы» ал-‘Аббаса указывают на его вероятную профессиональную принадлежность к факихам-хадисоведам¹⁴.

В «Законоведной макаме» ал-Харйрй прослеживается известный в средневековой арабской литературе композиционный принцип градации, нарастания от начала к середине (законоведная загадка), за которым следует спад от середины к концу [4, с.112]. В макаме ал-‘Аббаса подобный принцип выдерживается лишь отчасти; он заимствует сюжет у ал-Харйрй, изменяя композиционную структуру макамы в соответствии с собственным замыслом. В предисловии к сборнику ал-‘Аббас декларирует, что он «завершил каждую макаму аятом Корана в качестве указания на ее окончание, чтобы видели читающие ее пользу и руководство, и чтобы чтение не было напрасным» (П.: л. 26, 14–15; В.: л. 26, 8–9). Так, в «Законоведной макаме» автор от имени героя приводит в стихах филологическое и юридическое толкование коранического аята о многоженстве [Коран, 4: 3] на целых две страницы.

Заимствуя у ал-Харйрй не только литературную форму, но порой даже построение сюжета и некоторые мизансцены, ал-‘Аббас попытался создать свой цикл дидактических новелл, выдержанных в традиционном стиле макамы. С точки зрения средневековых арабских филологов подобное заимствование (*ахз*) не считается плагиатом (*сарқа*), поскольку ал-‘Аббас облакает мысли ал-Харйрй в свои слова [4, с.188–189]. Он,

¹⁴ Фақйх — юрист, знаток мусульманского права, при принятии решений, в отличие от *усульи*, в качестве источника права использует Коран и сунну.

по мере своих возможностей, пытается следовать образцу ал-Харйрй. Вопрос состоит в том, насколько эти попытки можно считать удачными. Сам ал-‘Аббас в предисловии к сборнику признается в «непосильности задачи», «возложенной» на него ал-Харйрй (П.: л. 2а, 7–8; В.: л. 2а, 2–3).

Сюжет у ал-Харйрй развивается реалистичней, чем у ал-‘Аббаса, его герои более живые и естественные во всех отношениях. Ал-Харйрй значительно обогащает повествование, вводя добавочные темы (описание еды, предостережение стариком против обмана, описание убогости жилья старика), в то время как ал-‘Аббас, более склонный к поучениям, нагружает сюжет макамы пространным рассуждением героя о кораническом стихе.

Язык авторов производит разное впечатление: в описаниях природы (ночь, гроза, звезды, буря, дождь, молнии) ал-‘Аббас, как уже говорилось, находит возможность показать свое стилистическое мастерство. Ал-Харйрй делает это при описании людских пороков (скупость, обман), также уделяя внимание изяществу иносказаний (финики, сливки, еда)¹⁵ и разнообразию самой лексики. Следует отметить, что ал-‘Аббас подбирает несколько неестественные рифмы и созвучия слов (*таджнйс*)¹⁶, за счет этого ощущается натянутость речи его героев и тяжеловесность слога, чего нельзя сказать о харириевских героях.

В макаме ал-Харйрй мы находим светское повествование с ироничным отношением к персонажам и сюжету в целом. Ал-Харйрй интересуется развлекательностью сюжета вкупе с проявлением красноречия его персонажей; назидательность в его макаме, сочетаемая с тонкой иронией, носит ненавязчивый характер житейского плана (не будь скупым, не засиживайся в гостях и т. д.), т. е. *catigat rigendo mores*.

У ал-‘Аббаса содержание макамы служит целям назидания, в ходе которого он демонстрирует свою образованность и знание арабского языка. В его макаме ощущается откровенная набожность, а насаждение морали является самоцелью.

Как мы видим, оба автора превозносят остроумие и красноречие, умение решить вопрос экспромтом, т. е. качества, относящиеся к традиционным для арабской культуры ценностям, но ал-‘Аббас ставит перед собой иные задачи, нежели ал-Харйрй, поэтому во внешне схожих сюжетах мы находим разных по характеру главных героев — один остроумный артист (ал-Харйрй), другой — морализатор-факих (ал-‘Аббас). Различные задачи, поставленные авторами, подтверждают и названия самих макамов. Хотя заглавия обеих макамов могут быть переведены на русский язык как «Законоведная», в арабском языке они происходят от разных корней¹⁷.

Несмотря на перечисленные выше различия у авторов, на примере творчества ал-‘Аббаса ясно прослеживается устойчивость макамного канона в позднем средневековье. При сравнении макамов со схожим сюжетом видно, как канон варьируется в зависимости от интересов автора, в данном случае, вероятно, факиха-хадисоведа.

¹⁵ «Я сказал:

Ты добудешь мне всадника распрекрасного на седле самом сладостном и того, кто самым полезным другом считается, но с самым вредным спутником знается.

Над моими словами долго он размышлял и наконец, сказал:

— Полагаю, что сына пальмы ты подразумеваешь и пищу ягненка к нему добавляешь» [18, с. 74].

¹⁶ «فَإِذَا هُوَ رَجُلٌ مِنْ حَيِّ طَيْءٍ وَ عَلَيْهِ سَيْمَى الْعِيِّ وَ الطَّيِّ» («...оказалось, что он человек из племени Тай и у него признаки утомления и голода»). То есть обозначение племени, к которому принадлежит герой, приводится только ради рифмы.

¹⁷ См. примечания 11 и 12.

Все вышесказанное позволяет нам считать макамы ал-'Аббāса одним из звеньев в процессе развития жанра. Дальнейшее исследование сборника макам ал-'Аббāса поможет определить роль макамного канона в позднем средневековье и его связь с задачами традиционной арабской назидательной литературы.

Литература

1. Пелла Ш. Вариации на тему адаба // Арабская средневековая культура и литература. Сборник статей зарубежных ученых / сост. и предисл. И. М. Фильштинского. М.: Наука, 1978. С. 60–76.
2. Фильштинский И. М. История арабской литературы X–XVIII века. М.: Наука, 1991. 725 с.
3. Gabrieli F. Adab / Encyclopaedia of Islam Vol. I. Leiden: E. J. Brill, 1954. P. 175–176.
4. Шидфар Б. Я. Образная система арабской классической литературы (VI–XII вв.). М.: Наука: ГРВЛ, 1974. 253 с.
5. Аль-Джахиз. Книга о скупых, Ибн Абд Раббихи. Чудесное ожерелье / пер., предисл. и коммент. Б. Я. Шидфар. М.: Художественная литература, 1985. 480 с.
6. Brockelmann C., Pellat Ch. Maqāma / Encyclopaedia of Islam Vol. VI. Leiden: E. J. Brill, 1986. P. 107–115.
7. Hämeen-Anttila J. Maqama: a History of a Genre. Wiesbaden: Harrassowitz, 2002. 502 p.
8. Brockelmann C. Geschichte der Arabischen Litteratur. Bd 1–2. Weimar: Verlag von Emil Felber, 1898–1902. Bd 1. 528 S.
9. Brockelmann C. Geschichte der Arabischen Litteratur. Sb. 1–3. Leiden: E. J. Brill, 1937. Sb. 1. 973 S.
10. Долинина А. А. Арабески: Избранные научные статьи. СПб.: Нестор-История, 2010. 444 с.
11. Халидов А. Б. Каталог арабских рукописей Института народов Азии АН СССР. Вып. I–II. М.: ИВЛ, 1960. Вып. I. Художественная проза. 135 с.
12. Арабские рукописи Института Востоковедения. Краткий каталог / под ред. А. Б. Халидова, Ч. 1–2. М.: Наука: ГРВЛ, 1986. 527, 336 с.
13. Тенюк П. С. Рукопись макам ал-'Аббāса и ее аналог в Австрийской национальной библиотеке // Письменные памятники Востока. № 1(16), СПб., 2012. С. 251–258.
14. Flügel G. Die Arabischen, Persischen und Türkischen Handschriften der Kaiserlich-Königlichen Hofbibliothek zu Wien. Bd 1–2. Wien: K. K. Hof- und Staatsdruckerei, 1865. Bd 1. 615 S.
15. Hammer-Purgstall J. Hammer-Purgstall's Handschriften (arabische, persische, türkische). Wien: Gedruckt bey Carl Gerold, 1840. 584 S.
16. Тенюк П. С. Две рукописи макам ал-'Аббāса (XVI век) // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 13. 2012. Вып. 2. С. 84–88.
17. Ал-Джахиз. Книга о скупых / пер. с араб., предисл. и примеч. проф. Х. К. Баранова, под ред. И. М. Фильштинского. М.: Наука, 1965. 287 с.
18. ал-Харири, Абу Мухаммед ал-Касим. Макамы: арабские средневековые плутовские новеллы / пер. В. М. Борисова, А. А. Долининой, В. Н. Кирипиченко. М.: Наука, 1978. 220 с.

Статья поступила в редакцию 18 июня 2012 г.